

к экологической экономике будут зависеть не только от создания формальных правил и механизмов и условий на уровне инфраструктуры, но и от широкой социально-культурной трансформации общества в целом.

Список литературы

1. На пути к "зеленой" мировой экономике. Ежегодный доклад ЮНЕП 2009 г. <http://www.unepcom.ru/unep/gei/216-toward-ge.html>
2. <http://www.regreenlab.ru/ru/green-economic>
3. <http://www.findhorn.org>
4. Курс на зеленый рост - <http://www.oecd.org/greengrowth/48634082.pdf>
5. Зеленая экономика: практический вектор устойчивого развития или политический компромисс? - <http://ecamir.ru/experts/Zelenaya-ekonomika-prakticheskiy-vektor-ustoychivogo-razvitiya-ili-politicheskiy-kompromiss.html>
6. <http://www.guardian.co.uk/sustainable-business/blog/government-transition-green-economy-vision>
7. Пронина И.В. Зарубежный опыт эко-инноваций и возможность его применения в России для стабилизации экономики - <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/4806-2012-11-20-17-24-58>
8. www.palata.zhkh.kz/?wpdmact=process&did=OC5ob3RsaW5r
9. Green Economy pathfinder project: Delivering a strong and sustainable green economy, resilient to climate change. A project led by the New Anglia LEP. URN 11/1296. 2011. <http://www.newanglia.co.uk>.

References

1. Na puti k "zelenoy" mirovoy ekonomike. Yezhegodnyy doklad YuNYeP 2009 g. <http://www.unepcom.ru/unep/gei/216-toward-ge.html>
2. <http://www.regreenlab.ru/ru/green-economic>
3. <http://www.findhorn.org>
4. Kurs na zelenyy rost - <http://www.oecd.org/greengrowth/48634082.pdf>
5. Zelenaya ekonomika: prakticheskiy vektor ustoychivogo razvitiya ili politicheskiy kompromiss? – <http://ecamir.ru/experts/Zelenaya-ekonomika-prakticheskiy-vektor-ustoychivogo-razvitiya-ili-politicheskiy-kompromiss.html>
6. <http://www.guardian.co.uk/sustainable-business/blog/government-transition-green-economy-vision>
7. Pronina I.V. Zarubezhnyy opyt eko-innovatsiy i vozmozhnost ego primeneniya v Rossii dlya stabilizatsii ekonomiki - <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/4806-2012-11-20-17-24-58>
8. www.palata.zhkh.kz/?wpdmact=process&did=OC5ob3RsaW5r
9. Green Economy pathfinder project: Delivering a strong and sustainable green economy, resilient to climate change. A project led by the New Anglia LEP. URN 11/1296. 2011. <http://www.newanglia.co.uk>.

ЭНДОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Магомедрасулова Раисат Багадуровна, старший преподаватель

Дагестанский государственный институт народного хозяйства
367014, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, Общество «Портовик», 106
E-mail: hatuna2009@mail.ru

Охарактеризованы и систематизированы основные эндогенные факторы, влияющие на типологию политического процесса в Дагестане (1992–2013 гг.). Определено влияние экономической и социальной депрессивности, строения политических элит, системы органов государственной власти на динамику политического процесса.

Ключевые слова: политическое пространство, эндогенные факторы, развитие, Республика Дагестан

ENDOGENOUS FACTORS OF CONTEMPORARY POLITICAL PROCESS IN DAGESTAN REPUBLIC

Magomedrasulova Raisat B., Senior Lecturer

Dagestan State Institute of National Economy.
106 the Society "Portovik", Makhachkala, Republic of Dagestan, 367014, Russia
E-mail: hatuna2009@mail.ru

Characterized and classified the main endogenous factors affecting the typology of the political process in Dagestan (1992–2013). The influence of the economic and social depression, structures of political elites, the system of state power organs on the dynamics of the political process is determined.

Keywords: political space, endogenous factors, the development, Republic of Dagestan

Динамика политического процесса в постсоветском Дагестане оказывает конфликтное воздействие не только на региональное, но и общероссийское политическое пространство. В постсоветский период Дагестан стал эпицентром этнополитических и конфессиональных конфликтов, что обусловлено комплексом многообразных причин. Среди них можно в качестве гипотезы выделить: важное геополитическое положение региона, экономическую и социальную депрессивность, политизацию этнических и конфессиональных различий при крайне мозаичном составе населения, территориальные аспекты межэтнических взаимоотношений. Важным является и включенность Дагестана в систему межрегиональных политических отношений [28, с. 166]. Следовательно, выявление специфики факторов политического процесса в Дагестане обладает актуальностью.

Тема статьи неравномерно исследована в политологической литературе. Факторы политических процессов в Дагестане чаще всего рассматриваются в сводных трудах по этнополитологии Северного Кавказа. Наиболее глубокие исследования такого рода в 1990-х – начале 2000-х гг. создали Л.Л. Хоперская [38], Г.С. Денисова [13], А.Н. Смирнов [31]. Политико-конфликтологическая школа исследований создана усилиями В.А. Тишкова, М.А. Аствацатуровой [5], А.В. Дмитриева и В.А. Авксентьева [2], С.Я. Суция [34]. Проблемы политической стабилизации Дагестана занимают важное место в ряде монографий коллектива Южного научного центра РАН [3; 39]. Влияние геополитических факторов на Дагестан раскрывают К.С. Гаджиев [8], З.А. Махулова [23]. Земельные проблемы и трансформацию социальной структуры дагестанского общества после распада СССР проанализировали В.О. Бобровников [6] и К.И. Казенин [19]. Роль политических институтов власти, конфликт между официальными и неформальными институтами раскрывается в работах М.-Р. Ибрагимова и К. Маццато [16], Т.Н. Литвиновой [21]. Политизация религии в постсоветском Дагестане глубоко проанализирована усилиями Э.Ф. Кисриева [20], А.К. Алиева, З.С. Арухова и К.М. Ханбабаева [4], З.М. Абдулагатова [1]. Экстремизм и терроризм, а также методы противодействия им, исследуются на материалах Дагестана И.П. Добаевым [14], А.-Н.З. Дибировым, Г.К. Сафаралиевым и коллективом специалистов под их руководством [32], С.Я. Суцием [34]. Обобщающие работы о факторах политических процессов в современном Дагестане малочисленны. К ним можно отнести аналитические обзоры К.А. Геворгян [9] и К.М. Ханбабаева [36].

Цель статьи – охарактеризовать и систематизировать основные эндогенные (внутрирегиональные) политические факторы, влияющие на тип политического процесса в Дагестане (1992–2013 гг.). Достижение цели потребует решить следующие задачи: раскрыть влияние экономической и социальной депрессивности, социальных и этноконфессиональных факторов, строения политических элит, системы органов государственной власти на динамику политического процесса.

К социально-экономическим факторам относится то, что Дагестан является одним из самых проблемных субъектов Российской Федерации, внутрирегиональная дифференциация и экономическая отсталость создают факторы напряженности. К этому следует добавить существенные различия в экономическом положении населения РД и других регионов, обуславливающие социальные и этнополитические трансформации. По сведе-

ниям Министерства экономического развития и торговли РФ, Дагестан наряду с другими республиками Северного Кавказа относится к застойно-депрессивным регионам. Удельный вес трансфертов федерального бюджета в доходах консолидированного бюджета РД составил к августу 2010 г. 75 % и продолжает расти [15]. В Республике Дагестан зафиксирован один из самых низких в стране уровень доходов населения и самый высокий уровень безработицы в стране. По данным обследований населения, уровень безработицы дагестанской молодежи, особенно сельской, достигает 80 %, порождая её миграцию в города Центральной России, а безработица в целом многие годы держится на уровне 60 % [17]. Большинство безработных – молодежь. По расчетам В.В. Селонина и С.А. Заруцкого, в теневом секторе экономики Дагестана в 2010 г. занято почти 600 тыс. чел. [29] В итоге значительная часть жителей популяет маргинальные слои населения. Это создает благоприятные условия роста правонарушений и распространения экстремистских настроений.

По предложенной Министерством финансов РФ классификации депрессивных регионов Северный Кавказ отнесен к регионам «застойной бедности». Их состояние обусловлено «не только низким уровнем экономического потенциала, но и неурегулированностью межнациональных отношений, общей кризисной социально-политической обстановкой в регионе» [37, с. 18]. Деструктивные проявления отражают на региональном уровне угрозы терроризма и распада России. В этой связи, как полагает М.Г. Делягин, развитие Северного Кавказа «должно восприниматься не с бухгалтерско-коммерческой точки зрения, а как единственный способ нейтрализации этих угроз» [12].

Реальность ставит элиты перед выбором: либо самоопределение, что приведет к самоизоляции этнических групп и политическим конфликтам, либо межэтническая кооперация на основе общероссийской гражданской идентичности. Дж. Ротшильд и Р. Шермерхорд отмечали, что в полиэтничных обществах именно неравномерное социальное развитие этнических сообществ служит почвой политической напряженности [30, с. 44]. Э. Геллнер полагал, что этнонационализм в меньшей степени связан с индустриализацией и модернизацией как таковыми, а в большей – с их неравномерным распределением [10, с. 102]. Это подтверждается на Северном Кавказе. Здесь обострились межэтнические противоречия, растут конфликтность, сепаратистские настроения, религиозный и этнический экстремизм.

Этнический состав населения Дагестана крайне разнороден. В республике отмечен наивысший в России индекс этнической мозаичности. По Всесоюзной переписи населения 2010 г., аварцы составляют 29,4 % жителей региона; даргинцы – 17,0 %; кумыки – 14,9 %; лезгины – 13,3 %; лакцы – 5,6 %; азербайджанцы – 4,5 %; табасаранцы – 4,1 %; русские – 3,6 %; чеченцы – 3,2 %; ногайцы – 1,4 % и мн. др. [26]. Важно, что этничность воспринимается в Дагестане как предписанный и жестко нормируемый социумом статус. Между этническими группами сложилось определенное закрепление территорий и профессиональных «ниш». Конфликты разрешаются в основном с применением традиционных методов народной дипломатии и исламского права. Этническая структура дагестанского общества динамично меняется не только вследствие «естественных» высокой рождаемости и интенсивных миграционных потоков, но и посредством манипулирования при статистическом учете, «поглощения» малых народов и субэтнических групп. Русское население Дагестана уменьшилось с 1989 по 2010 гг. с 9,2 до 3,6 % [26]. Активизировались этнические миграции даргинцев, лакцев и многих других народов с высокогорий на Прикаспийскую равнину и за пределы республики.

Набиравшие в 1990-х гг. авторитет этнополитические движения, возглавляемые новыми лидерами, активно противостояли органам власти, что побудило правящую элиту к укреплению вертикальных внутриэтнических связей. В результате этничность стала ключевым фактором распределения власти. Политический процесс в Дагестане в 1990-х гг. привел к сближению госаппарата с этнонациональными движениями. Высокопоставленные чиновники стремились взять под контроль массовые движения «своих» народов, а лидеры этнодвижений, опираясь на массовую поддержку, пытались силой захватить власть (рейд клана братьев Хачилаевых на Махачкалу в 1997 г., действия Северного аль-

янса в начале 2000-х гг. и др.). В итоге этническая структура Дагестана превратилась в определяющую матрицу политического процесса. Мобилизация сил в республике происходила не столько на основе идеологических, в т.ч. – религиозных, лозунгов или социально-стратификационных ориентаций, а на основе традиционных этнокультурных связей. Этнополитические элиты превратились в ведущих субъектов политики [20, с. 48].

Межэтническая напряженность и конфликты, их политизация стали важным фактором нестабильности в постсоветском Дагестане. Усилилось манипулирование этническим самосознанием со стороны элит, стремящихся к власти. Поощрялись установки на политическое и социально-культурное доминирование «титulyных» народов, разжигались сепаратистские настроения, активизировались претензии на территориальные права, все чаще отмечались факты дискриминации по этническому и конфессиональному признаку. Рост этих проявлений и их радикализация грозят дестабилизировать политический процесс не только в Дагестане, но и на всем Северном Кавказе [24, с. 15].

Характерная для Северного Кавказа выраженность этнотерриториального фактора политики свидетельствует о том, что контроль над ресурсами местностей приобретает все большее значение для этнических элит и может стать одним из главных ориентиров в выборе стратегии межэтнического взаимодействия. Структурообразующую роль играют этнические границы, которые регулируются не только факторами политического порядка (административно-политическое устройство, близость государственных границ, экономические связи), а также социокультурными факторами (историческое прошлое, этническая и конфессиональная идентичность, традиции, ориентации и установки политической культуры и др.).

Политические трансформации в Дагестане во многом зависят от территориальной структуры общества. Процесс политической мобилизации народов Дагестана, сопровождающийся закреплением и обособлением этнических территорий, начал набирать обороты с начала 1990-х гг. [31]. В республике началась эскалация межэтнических конфликтов, главным образом – между «коренными» и «новосельческими» сообществами по поводу спорных территорий. Главная этнополитическая линия проходила по географическому рубежу «горы – равнина», где в советские и постсоветские годы проходили миграции, менявшие ареалы расселения народов [19, с. 9–78]. В экономическом смысле проект переселения горцев на равнины себя оправдал, но не получил завершения. В социальном же и политическом аспектах миграции дестабилизировали межэтнические отношения в республике [33]. Показательны в этой связи последствия миграций аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев, чеченцев-аккинцев. Так, социологический опрос, проведенный Д.А. Гусеновой в 2005 г., показывает, что 68,15 % респондентов в РД отрицают перспективу передачи Новолакского (Ауховского) района Чеченской Республике, что связано с прочностью представлений о принадлежности района Дагестану [11, с. 142].

Конфессиональный фактор весьма весом в дагестанском обществе. Преобладает суннитский ислам (2439 религиозных объединений из 2512, зарегистрированных в РД на 1 апреля 2010 г.) [36, с. 31]. В Дагестане распространены тарикаты (религиозные братства) суфизма. Аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасаранцы традиционно участвуют в накшбандийском тарикате. Чеченцы, андийцы принадлежат к кадирийскому тарикату. Шазилийский тарикат характерен для аварцев, а частично – для кумыков и даргинцев. То есть, религиозная структура общества не совпадает, «переплетается» с этнической.

В конце 1980-х гг. интенсивно распространяется радикальный ислам в версии салафизма (ваххабизма), особенно в высокогорной зоне. Как отмечает К.П. Ханбабаев, важным фактором распространения в Дагестане ваххабизма стала финансовая и организационная поддержка зарубежными центрами радикального ислама. В Дагестане до лета 1999 г. активно действовали филиалы международных исламистских организаций: «Спасение» (со штаб-квартирой в Саудовской Аравии), «Саар Фаундейшн» и «Тайбат аль-Хайрия» (США), «Ибрагим аль-Хайрия» (Египет) и т.д. [36, с. 41]. Сейчас поддержку террористов оказывают зарубежные организации «Аль-бадр Маджахедин», «Международный исламский фронт», «Братья-мусульмане», спонсоры из многих стран: Пакистана, ОАЭ, Иордании, Египта, Афганистана, Турции и др.

Экстремистские организации используют общественные проблемы (низкий уровень жизни, безработицу, коррупцию и т.д.) для насаждения своих идеологем в сознании верующих. Идеологические установки экстремистских организаций в основном выражают доктрину салафитов. Они предусматривают жесткую регламентацию жизни нормами шариата, крайнюю нетерпимость к иноверам и «отступникам» (к ним салафиты относят традиционный ислам), проект создания теократического всемирного государства (халифата) путем войн и терроризма.

Религиозный экстремизм проявляется в действиях террористических организаций сетевого типа. По данным И.В. Пашенко, за 2010 г. число активно действующих боевиков в Дагестане выросло вдвое и, несмотря на высокие потери, постоянно пополняется. Республика поделена на сектора влияния бандгрупп (от 10 до 70 чел. каждая, в основном – из мужчин моложе 35 лет). Боевики, кроме зарубежного финансирования, обложили поборами местных предпринимателей, получив от них в 2011 г. порядка 100 млн. руб. (подсчет директора ФСБ РФ А. Бортникова). В 2011 г. жертвы убитыми и ранеными среди местного населения составили 239 чел., что на порядок больше числа жертв в других республиках [27, с. 73–78].

В условиях террористического насилия органы государственной власти федерального и республиканского уровней прилагают усилия к разгрому бандподполья, к применению комплексной антиэкстремистской политики. В республике создана Антитеррористическая комиссия. С 2006 г. действуют Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РД и Комиссия по вопросам религиозных объединений при правительстве РД, а в 2007 г. воссоздан Комитет правительства РД по делам религий. Регулярно ведутся контртеррористические операции.

Перейдем к анализу элит республики. В период «перестройки» в Дагестане в управляющем слое не происходило особых персональных перемен, но реформы существенно изменили структуру политической элиты. Для характеристики постсоветской элиты выделим в ней слои: номенклатуры – советских и партийных чиновников; крупных предпринимателей, лидеров этнополитических движений и других общественных организаций, опирающиеся на большие финансовые возможности и массовую поддержку сторонников; религиозных лидеров [20, с. 45].

Соотношение этих слоев, по мнению Э.Ф. Кисриева, можно представить в виде пересечения множеств: «часть «старых» политиков стали приобретать характеристики, свойственные «новым», а некоторым «новым» удалось достигнуть статуса высоких должностных лиц. Представители же групп, оттесненных или не допущенных к власти, тяготеют к радикализму. Это обусловило ожесточенный характер столкновений внутри правящих элит между этническими, земляческими и отраслевыми субэлитными группировками [20, с. 46].

В итоге насильственных конфликтов сформировалась сложная структура отношений власти и подчинения. «Тяжеловесы» противостоят друг другу, но проявляют заинтересованность во взаимодействии перед лицом «второго эшелона». «Второй эшелон», состоящий из социальных слоев, конфликтующих между собой, пытается отыскать протекцию наверху и делится на группы поддержки «тяжеловесов». Одновременно представители «второго эшелона», стремящиеся попасть в высшую категорию или сохранить высокие должности или материальные возможности, ищут опору «внизу», в широких слоях общества, выстраивая иерархические сети патрон-клиентарных отношений [20, с. 51].

Структура дагестанского сообщества и его элит влияет на выбор политических институтов, их соотношение и функции. После распада СССР принципиально изменилась политическая система как во всей России, так и в её регионах. Возникла необходимость коренного обновления системы власти. II съезд народных депутатов РД в 1992 г. принял постановление о государственном суверенитете Республики Дагестан, равноправной с другими республиками Российской Федерации. Съезд единодушно высказался за сохранение Дагестана в составе Российской Федерации. 26 июля 1994 г. Конституционное Собрание Республики Дагестан приняло новую Конституцию Республики Дагестан, что стало важным событием политического процесса.

В 90-х годах XX в. в Дагестане сложилась новая форма правления. В структуре власти создавался новый коллегиальный орган, избираемый на заседаниях Конституционного Собрания – Государственный Совет Республики Дагестан. По Конституции РД 1994 г. Государственный Совет состоял из 14 чел. – по одному представителю от каждого из наиболее крупных по численности народов Дагестана. Госсовет возглавил исполнительную власть и обеспечивал взаимодействие органов государственной власти. Формирование Госсовета осуществлялось по этническому принципу, что было важным для медиации и согласования интересов. Председателем Госсовета РД бессменно с 1994 по 2006 гг. был даргинец М.-А.М. Магомедов. По мнению экспертов, Госсовет продемонстрировал жизнеспособность и доказал, что принцип коллегиальности власти в условиях полиэтничного дагестанского общества соответствовал важнейшим жизненным интересам республики [28, с. 167].

Вместе с тем, активизация этноконфессиональных конфликтов и терроризма на Северном Кавказе побудили федеральные органы власти стимулировать введение в Дагестане президентской формы правления. В феврале 2006 г. 75-летний Председатель Госсовета Дагестана М.М. Магомедов добровольно подал в отставку. После консультаций был наделен полномочиями президента Республики Дагестан аварец М.Г. Алиев [25]. В последующий период сменилось еще два высших должностных лица республики, обеспечивались практики этнической ротации. Исполняющим обязанности президента в 2013 г. назначен видный политолог и государственный деятель Р.Г. Абдулатипов, активизировавший борьбу с терроризмом и коррупцией [7]. В настоящее время Дагестан готовится к проведению косвенных выборов президента республики в соответствии с федеральным законодательством.

Представительным и законодательным органом Республики Дагестан, согласно действующей редакции Конституции РД 1994 г., является однопалатный парламент – Народное Собрание. Его депутаты избираются населением прямым, всеобщим и тайным голосованием, благодаря чему реализуется такой базовый принцип формирования органов государственной власти, как народовластие. Согласно отчетному докладу Председателя Народного Собрания РД, секретаря Регионального политсовета партии «Единая Россия» М.-С. Магомедова о деятельности регионального отделения партии за 2007–2011 гг., «Единая Россия» победила на выборах всех уровней. Кандидаты партии получили 62 из 90 мандатов депутатов Народного Собрания. В рядах партии состоят 49 из 52 глав городских округов и муниципальных районов, 87% глав городских и сельских поселений [22]. Представительство народов и местных сообществ обеспечивается, во многом, благодаря нарезке избирательных округов. Вместе с тем, остается нерешенным и спорным вопрос о создании второй (верхней) палаты Народного Собрания для представительства территориальных интересов.

Влиятельными субъектами политики в Дагестане выступают так называемые «этнопартии». До 2003 г. они имели законное право участия в республиканских выборах. Позже федеральные законы изменились и принудили «этнопартии» встраиваться внутрь всероссийских зарегистрированных партий. Но кадровая, финансовая и организационная структура отделений партий в Дагестане по-прежнему строится на этнической и земляческой основе. Точнее, лидерство в партийных организациях проводится выходцами из той или иной местности (джамаата). Как указывает К.М. Ханбабаев, поскольку каждая «этнопартия» «обслуживает интересы определенной группы, а не всей национальности в целом, ни одна дагестанская национальность не имеет единого политического центра... Дальнейшее развитие этих тенденций чревато дестабилизацией» [36, с. 23].

Анализ политических процессов в постсоветском Дагестане позволяет выделить факторы институционализации политического пространства. Факторы, влияющие на политический процесс в Дагестане, можно разделить на внешние и внутренние. Из них более значимыми выступают внутрорегиональные (эндогенные) факторы. В их числе можно выделить социально-экономические, демографические и миграционные, этноконфессиональные, политические факторы.

Территориальное переустройство, которое сопровождает переустройство политической системы общества. В полиэтничном обществе территориальное переустройство служит важным показателем процессов, происходящих в политическом пространстве. Так, в полиэтничном Дагестане политические процессы в конце XX–начале XXI вв. имели важное измерение – конкуренцию элит и этнополитических движений за территорию. Вопросы землепользования и землевладения в полиэтничных обществах политизированы.

Миграционные процессы, происходящие в полиэтничных обществах, являются потенциальным фактором межэтнических столкновений, что объясняется объективными свойствами этноса: демографическим воспроизводством и расширением этнического ареала. Следовательно, это явление будет носить конкурентный характер по отношению к другим народам. В Дагестане миграция с гор на равнины усилила на десятилетия этнополитическую нестабильность и межэтническую напряжённость между «вселёнными» и «местными» сообществами.

В полиэтничных обществах процесс «унификации» является объективным процессом, с характерным в таких случаях постепенным, плавным объединением в политической, экономической, социокультурной и других сферах. Эти процессы непосредственно отражаются не только на политическом строе государства, но и в мировоззрении населения, его социальной стратификации и т.д. Характерной чертой политического пространства Дагестана является присутствие межэтнической конкуренции во всех сферах общественной жизни: стремление доминировать на «политическом Олимпе», в религиозной сфере, экономике, престижных профессиях и т.д. Опросы общественного мнения в Дагестане выявляют этнически-дифференцированный характер отношения к политике, экономике, социально-экономическому положению «соседей» и т.д.

В условиях преобразований в полиэтничном Дагестане встаёт вопрос о сохранении его целостности. Связано это с тем, что институционализация политической власти осуществляется через этнотерриториальное переустройство региона, что повышает интенсивность этноцентристских и центробежных настроений. Преодоление последних возможно при сохранении соразмерного этнического представительства во всех структурах власти, при недопущении доминирования представителей отдельных этнических групп.

Характер организации политического пространства Дагестана, его специфика диктуют необходимость сохранения многообразия форм местного самоуправления, включающих традиционные социальные институты. Не менее важным в условиях Дагестана является вопрос стабилизации административно-территориального деления субъекта федерации и границ между муниципальными образованиями.

Важной причиной напряженности в РД является неподготовленность модернизации и порожденные ею кризисы, подорвавшие в сознании населения легитимность не только ряда политических институтов, но и, во многом, всей политической системы. Об этом свидетельствует низкий престиж органов и ветвей власти, большинства политических лидеров.

Главной задачей реформ политического пространства Дагестана остается обеспечение мира и согласия в республике, политической безопасности и правопорядка, противодействие идеологии и практике экстремизма и терроризма. Политические решения, принимаемые для урегулирования этнополитических конфликтов, могут быть нецелесообразными с точки зрения эффективности текущего управления или экономики, но для поддержания стабильности социума они должны обязательно учитывать этнический фактор.

Список литературы

1. Абдулагатов З. М. Религиозный фактор развития этнодистанцирующих процессов в Дагестане / З. М. Абдулагатов // Региональные аспекты социальной политики.– Махачкала, 2003. – Вып. 5. – С. 38–45.
2. Авксентьев В. А. Региональная конфликтология: концепты и российская практика / В. А. Авксентьев, Г. Д. Гриценко, А. В. Дмитриев. – М. : Альфа-М, 2008. – 368 с.

3. Авксентьев В. А. Этнополитические процессы на Юге России: от локальных к блоковым конфликтам / В. А. Авксентьев, С. Н. Зинев, Д. А. Лавриненко, О. И. Лепилкина, Э. Т. Майборода. – Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2011. – 202 с.
4. Алиев А. К. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе / А. К. Алиев. – М. : Наука, 2007. – 583 с.
5. Аствацатурова М. А. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе / М. А. Аствацатурова, В. А. Тишков, Л. Л. Хоперская. – М. : Росинформагротех, 2010. – 264 с.
6. Бобровников В. О. Колхозы и ислам в современном Дагестане / В. О. Бобровников. – Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/77/358/72761.php>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. В Дагестане принято решение избирать президента республики парламентом // Независимая газета. – 2013, 19 апр.
8. Гаджиев К. С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России / К. С. Гаджиев. – М. : Логос, 2010. – 531 с.
9. Геворгян К. А. Республика Дагестан / К. А. Геворгян // Северный Кавказ: Путь к согласию : сб. аналитич. мат-лов / под ред. К. А. Геворкян, С. А. Курченковой, М. В. Саввы. – М. : Фонд «Новая Евразия», 2009. – С. 27–55.
10. Геллинер Э. От родства к этничности / Э. Геллинер // Цивилизации. – М. : Наука, 1997. – Вып. 5. – С. 95–102.
11. Гусенова Д. А. Социальное пространство этнополитических процессов : дис. ... канд. филос. наук / Д. А. Гусенова. – Махачкала, 2006. – 146 с.
12. Делягин М. Г. Как вернуть Северный Кавказ в Россию: основы социально-экономической политики / М. Г. Делягин // Материалы пресс-конференции (21.09.2004 г.). – Режим доступа: <http://www.deliagin.ru/articles/?dyear=2004>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 14.06.2013).
13. Денисова Г.С. Этнический фактор в политической жизни России 90-х гг. / Г. С. Денисова. – Ростов н/Д : Изд-во Ростовского пед. ун-та, 1996. – 224 с.
14. Добаев И. П. Терроризм и антитеррористическая деятельность на Юге России / И. П. Добаев. – М. – Ростов н/Д : Социально-гуманитарные знания, 2011. – 188 с.
15. Зубаревич Н. В. Социальный атлас российских регионов / Н. В. Зубаревич. – Режим доступа: http://www.socpol.ru/atlas/portrait/r_sk.shtml, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
16. Ибрагимов М.-Р. Чужой, но лояльный: причины «нестабильной стабильности» в Дагестане / М.-Р. Ибрагимов, К. Магизато // Полис. Политические исследования. – 2005. – № 3. – С. 102–115.
17. Ипполитов К. Программа борьбы с терроризмом / К. Ипполитов // ВВП. – 2004. – № 5. – Режим доступа: <http://www.2vr.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 15.06.2013).
18. Исмаилов А.Ш. Религии в Дагестане: История и современное состояние / А. Ш. Исмаилов, К. М. Ханбабаев, А. А. Рагимов. – Махачкала : Дагестанское кн. изд-во, 2007. – 288 с.
19. Казенин К. И. Элементы Кавказа: Земля, власть и идеология в северокавказских республиках / К. И. Казенин. – М. : Regnum, 2012. – 176 с.
20. Кисриев Э. Ф. Ислам и власть в Дагестане / Э. Ф. Кисриев. – М. : О.Г.И., 2004. – 224 с.
21. Литвинова Т. Н. Институты власти на Северном Кавказе: опыт и уроки политической трансформации (1989–2008 гг.) / Т. Н. Литвинова. – Краснодар : Ин-т социологии РАН, 2009. – 254 с.
22. М.-С. Магомедов выступил с отчетом на XX партийной конференции. – Режим доступа: http://old.nsrtd.ru/one_new.php?news_id=399, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
23. Махулова З. А. Региональный фактор геополитических процессов в современной России (на примере Республики Дагестан) : автореф. дис. ... канд. полит. наук / З. А. Махулова. – Махачкала, 2006. – 22 с.
24. Мургузалиев С. И. Этнопсихологические аспекты межнациональных отношений в «зоне нестабильности» (эмпирические исследования в Дагестане и на Северном Кавказе) / С. И. Мургузалиев. – Махачкала : Изд-во ДНЦ РАН, 2006. – С. 15.
25. Мусаев М. Как Дагестан обрёл президента / М. Мусаев // Северный Кавказ. – Нальчик, 2006, 21 февр. – № 7.

26. Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. Перепись 2010. – Режим доступа: www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/tab7.xls, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
27. Пащенко И. В. Диверсионно-террористическое подполье как угроза модернизации Северного Кавказа / И. В. Пащенко // Реалии многоукладного макрорегиона: потенциал обновления и препятствия развитию : мат-лы Распир. засед. Ученого совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН (7 февраля 2012 г.). – Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2012. – С. 71–80.
28. Предвечный Г. П. Основные условия и факторы, формирующие состояние напряженности на Северном Кавказе / Г. П. Предвечный // Предвечный Г.П. Избранные труды. – Ростов н/Д : Северо-Кавказский научный центр высшей школы, 2001. – 496 с.
29. Селютин В. В. Теневая экономика на Юге России / В. В. Селютин, С. А. Заруцкий // Современное состояние и сценарии развития Северного Кавказа. – Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2010. – С. 93–110.
30. Смирнов А. Н. Этнические контуры северокавказской геополитики / А. Н. Смирнов // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 5. – С. 40–48.
31. Смирнов А. Н. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: особенности и основные тенденции / А. Н. Смирнов. – М. : Изд-во ИМЭМО РАН, 2001. – 111 с.
32. Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, проблемы, организация, практика, профилактика и противодействие / рук. авт. кол.: А. Н. З. Дибиров, Г. К. Сафаралиев. – Махачкала : Лотос, 2009. – 640 с.
33. Соколов Д. Источники конфликтов и развития на Северном Кавказе : доклад Кавказского центра проектных решений / Д. Соколов, Х. Магомедов, Н. Силаев. – Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/222461/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 16.06.2013).
34. Суций С. Я. Северный Кавказ: Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века / С. Я. Суций. – М. : ЛЕНАНД, 2013. – 432 с.
35. Суций С. Я. Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия) / С. Я. Суций. – Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2010. – 218 с.
36. Ханбабаев К. М. Дагестан в начале XXI в.: состояние и проблемы / К. М. Ханбабаев // Юг России в первом десятилетии XXI века: итоги, проблемы и перспективы. – Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2010. – Ч. 2. – С. 16–82.
37. Хоперская Л. Л. Проблемы безопасности в Северо-Кавказском регионе / Л. Л. Хоперская // Бюллетень Владикавказского института управления. – Владикавказ, 1999. – Вып. 3. – С. 14–28.
38. Хоперская Л. Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе / Л. Л. Хоперская. – Ростов н/Д : СКАГС, 1997. – 143 с.
39. Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / под ред. Г. Г. Матишова, Н. И. Голубевой, В. А. Авксентьева. – Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2011. – 328 с.

References

1. Abdulagatov Z. M. Religioznyy faktor razvitiya etnodistantsiruyushchikh protsessov v Dagestane / Z. M. Abdulagatov // Regionalnye aspekty sotsialnoy politiki. – Makhachkala, 2003. – Вып. 5. – С. 38–45.
2. Avksentev V. A. Regionalnaya konfliktologiya: kontsepty i rossiyskaya praktika / V. A. Avksentev, G. D. Gritsenko, A. V. Dmitriev. – М. : Alfa-M, 2008. – 368 s.
3. Avksentev V. A. Etnopoliticheskie protsessy na Yuge Rossii: ot lokalnykh k blokovym konfliktam / V. A. Avksentev, S. N. Zinev, D. A. Lavrinenko, O. I. Lepilkina, E. T. Mayboroda. – Rostov n/D : YuNTs RAN, 2011. – 202 s.
4. Aliev A. K. Religiozno-politicheskiy ekstremizm i etnokontsionalnaya tolerantnost na Severnom Kavkaze / A. K. Aliev. – М. : Nauka, 2007. – 583 s.
5. Astvatsaturova M. A. Konfliktologicheskie modeli i monitoring konfliktov v Severo-Kavkazskom regione / M. A. Astvatsaturova, V. A. Tishkov, L. L. Khoperskaya. – М. : Rosinformagrotekh, 2010. – 264 s.
6. Bobrovnikov V. O. Kolkhozy i islam v sovremennom Dagestane / V. O. Bobrovnikov. – Rezhim dostupa: <http://www.pandia.ru/text/77/358/72761.php>, svobodnyy. – Zaglavie s ekrana. – Yaz. rus.
7. V Dagestane prinyato reshenie izbirat prezidenta respubliki parlamentom // Nezavisimaya gazeta. – 2013, 19 apr.
8. Gadzhiev K. S. Kavkazskiy uzel v geopoliticheskikh prioritetakh Rossii / K. S. Gadzhiev. – М. : Logos, 2010. – 531 s.

9. Gevorgyan K. A. Respublika Dagestan / K. A. Gevorgyan // Severnyy Kavkaz: Put k soglasiyu : sb. analitich. mat-lov / pod red. K. A. Gevorgyan, S. A. Kurchenkovoy, M. V. Savvy. – M. : Fond «Novaya Yevraziya», 2009. – S. 27–55.
10. Gellner E. Ot rodstva k etnichnosti / E. Gellner // Tsivilizatsii. – M. : Nauka, 1997. – Vyp. 5. – S. 95–102.
11. Gusenova D. A. Sotsialnoe prostranstvo etnopoliticheskikh protsessov : dis. ... kand. filoz. nauk / D. A. Gusenova. – Makhachkala, 2006. – 146 c.
12. Delyagin M. G. Kak vernut Severnyy Kavkaz v Rossiyu: osnovy sotsialno-ekonomicheskoy politiki / M. G. Delyagin // Materialy press-konferentsii (21.09.2004 g.). – Rezhim dostupa: <http://www.deliagin.ru/articles/?dyear=2004>, svobodnyy. – Zaglavie s ekrana. – Yaz. rus. (data obrashcheniya: 14.06.2013).
13. Denisova G.S. Etnicheskiy faktor v politicheskoy zhizni Rossii 90-kh gg. / G. S. Denisova. – Rostov n/D : Izd-vo Rostovskogo ped. un-ta, 1996. – 224 s.
14. Dobaev I. P. Terrorizm i antiterroristicheskaya deyatel'nost na Yuge Rossii / I. P. Dobaev. – M. – Rostov n/D : Sotsialno-gumanitarnye znaniya, 2011. – 188 s.
15. Zubarevich N. V. Sotsialnyy atlas rossiyskikh regionov / N. V. Zubarevich. – Rezhim dostupa: http://www.socpol.ru/atlas/portrait/fr_sk.shtml, svobodnyy. – Zaglavie s ekrana. – Yaz. rus.
16. Ibragimov M.-R. Chuzhoi, no loyalny: prichiny «nestabil'noy stabilnosti» v Dagestane / M.-R. Ibragimov, K. Matsuzato // Polis. Politicheskie issledovaniya. – 2005. – № 3. – S. 102–115.
17. Ippolitov K. Programma borby s terrorizmom / K. Ippolitov // VVP. – 2004. – № 5. Rezhim dostupa: <http://www.2vp.ru>, svobodnyy. – Zaglavie s ekrana. – Yaz. rus. (data obrashcheniya: 15.06.2013).
18. Ismailov A.Sh. Religii v Dagestane: Istoriya i sovremennoe sostoyanie / A. Sh. Ismailov, K. M. Khanbabaev, A. A. Ragimov. – Makhachkala : Dagestanskoe kn. izd-vo, 2007. – 288 s.
19. Kazenin K. I. Elementy Kavkaza: Zemlya, vlast i ideologiya v severokavkazskikh respublikakh / K. I. Kazenin. – M. : Regnum, 2012. – 176 s.
20. Kisriev E. F. Islam i vlast v Dagestane / E. F. Kisriev. – M. : O.G.I., 2004. – 224 s.
21. Litvinova T. N. Instituty vlasti na Severnom Kavkaze: opyt i uroki politicheskoy transformatsii (1989–2008 gg.) / T. N. Litvinova. – Krasnodar : In-t sotsiologii RAN, 2009. – 254 s.
22. M.-S. Magomedov vystupil s otchetom na XX partiynoy konferentsii. – Rezhim dostupa: http://old.nsr.d.ru/one_new.php?news_id=399, svobodnyy. – Zaglavie s ekrana. – Yaz. rus.
23. Makhulova Z. A. Regionalnyy faktor geopoliticheskikh protsessov v sovremennoy Rossii (na primere Respubliki Dagestan) : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk / Z. A. Makhulova. – Makhachkala, 2006. – 22 s.
24. Murtuzaliev S. I. Etnopsikhologicheskie aspekty mezhnatsionalnykh otnosheniy v «zone nestabil'nosti» (empiricheskie issledovaniya v Dagestane i na Severnom Kavkaze) / S. I. Murtuzaliev. – Makhachkala : Izd-vo DNTs RAN, 2006. – S. 15.
25. Musaev M. Kak Dagestan obrel prezidenta / M. Musaev // Severnyy Kavkaz. – Nalchik, 2006, 21 fevr. – № 7.
26. Natsionalnyy sostav naseleniya po subektam Rossiyskoy Federatsii. Perepis 2010. – Rezhim dostupa: www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/tab7.xls, svobodnyy. – Zaglavie s ekrana. – Yaz. rus.
27. Pashchenko I. V. Diversionno-terroristicheskoe podpole kak ugroza modernizatsii Severnogo Kavkaza / I. V. Pashchenko // Realii mnogoukladnogo makroregiona: potentsial obnovleniya i prepyatstviya razvitiyu : mat-ly Rasshir. zased. Uchenogo sojeta ISEGI YuNTs RAN (7 fevralya 2012 g.). – Rostov n/D : YuNTs RAN, 2012. – S. 71–80.
28. Predvechnyy G. P. Osnovnye usloviya i faktory, formiruyushchie sostoyanie napryazhennosti na Severnom Kavkaze / G. P. Predvechnyy // Predvechnyy G.P. Izbrannyye trudy. – Rostov n/D : Severo-Kavkazskiy nauchnyy tsentr vysshey shkoly, 2001. – 496 s.
29. Selyutin V. V. Tenevaya ekonomika na Yuge Rossii / V. V. Selyutin, S. A. Zarutskiy // Sovremennoe sostoyanie i stsenarii razvitiya Severnogo Kavkaza. – Rostov n/D : YuNTs RAN, 2010. – S. 93–110.
30. Smirnov A. N. Etnicheskie kontury severokavkazskoy geopolitiki / A. N. Smirnov // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. – 2000. – № 5. – S. 40–48.
31. Smirnov A. N. Etnopoliticheskie protsessy na Severnom Kavkaze: osobennosti i osnovnye tendentsii / A. N. Smirnov. – M. : Izd-vo IMEMO RAN, 2001. – 111 s.
32. Sovremennyy politicheskiy ekstremizm: ponyatie, istoki, prichiny, ideologiya, problemy, organizatsiya, praktika, profilaktika i protivodeystvie / ruk. avt. kol.: A.-N. Z. Dibirov, G. K. Safaraliev. – Makhachkala : Lotos, 2009. – 640 s.

33. Sokolov D. Istochniki konfliktov i razvitiya na Severnom Kavkaze : doklad Kavkazskogo tsentra proektnykh resheniy / D. Sokolov, Kh. Magomedov, N. Silaev. – Rezhim dostupa: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/222461/>, svobodnyy. – Zaglavie s ekrana. – Yaz. rus. (data obrashcheniya: 16.06.2013).
34. Sushchiy S. Ya. Severnyy Kavkaz: Realii, problemy, perspektivy pervoy treti KhKhI veka / S. Ya. Sushchiy. – M. : LYeNAND, 2013. – 432 s.
35. Sushchiy S. Ya. Terroristicheskoe podpole na vostoке Severnogo Kavkaza (Chechnya, Dagestan, Ingushetiya) / S. Ya. Sushchiy. – Rostov n/D : YuNTs RAN, 2010. – 218 s.
36. Khanbabaev K. M. Dagestan v nachale KhKhI v.: sostoyanie i problemy / K. M. Khanbabaev // Yug Rossii v pervom desyatiletii KhKhI veka: itogi, problemy i perspektivy. – Rostov n/D : YuNTs RAN, 2010. – Ch. 2. – S. 16–82.
37. Khoperskaya L. L. Problemy bezopasnosti v Severo-Kavkazskom regione / L. L. Khoperskaya // Byulleten Vladikavkazskogo instituta upravleniya. – Vladikavkaz, 1999. – Vyp. 3. – S. 14–28.
38. Khoperskaya L. L. Sovremennye etnopoliticheskie protsessy na Severnom Kavkaze / L. L. Khoperskaya. – Rostov n/D : SKAGS, 1997. – 143 s.
39. Yug Rossii v zerkale konfliktologicheskoy ekspertizy / pod red. G. G. Matishova, N. I. Golubevov, V. A. Avksenteva. – Rostov n/D : YuNTs RAN, 2011. – 328 s.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОЙ ВАЛЮТЫ В МЕЖДУНАРОДНУЮ ФИНАНСОВУЮ АРХИТЕКТУРУ

Костин Григорий Владимирович, аспирант

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: russian_federation@rambler.ru

В статье рассмотрены варианты трансформации современной мировой валютной системы и возможные перспективы интернационализации российской валюты. Автором обозначены предпосылки превращения рубля в резервную валюту, а также сдерживающие факторы интеграции в мировую валютно-финансовую систему, ключевыми среди которых являются высокий уровень инфляции и недостаточное развитие финансового сектора. Предложен комплекс мер по снижению темпов инфляции и повышению эффективности и международной привлекательности российского фондового и долгового рынков.

Ключевые слова: мировая валютная система, резервная валюта, рубль, инфляция, финансовый рынок

PROSPECTS OF INTEGRATION THE RUSSIAN CURRENCY IN THE INTERNATIONAL FINANCIAL ARCHITECTURE

Kostin Grigoriy V., post-graduate student

Astrakhan State University
20a Tatishev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: russian_federation@rambler.ru

The main subject of the article is a prospect of ruble as a new world currency. Special attention is paid to problems of inflation and national financial sector (stock and debt markets). In the author's opinion these problems is main obstacle of ruble internationalization. The author considers some measures on decrease in rates of inflation and development of the financial markets.

Keywords: world currency system, reserve currency, ruble, inflation, financial market

Мировой финансовый кризис, разразившийся осенью 2008 г., поставил под сомнение способность существующей валютной системы противостоять новым вызовам